

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА¹⁾.

Х.

Манифестъ 15-го мая 1864 года. — Перемена настроенія среди помѣщиковъ. — Польскій помѣщикъ въ роли русскаго миссіонера. — Моя присяга русскому правительству. — Прокламація Жонда. — По этапу на родину. — Воспитанникъ ксендзовъ-патріотовъ. — Знакомство въ лазаретѣ. — Тюрьма. — Допросъ. — Одинокое заключеніе. — Письменное показаніе. — Ночь. — Новый допросъ.

ВЪ ЭТО ВРЕМЯ вышелъ манифестъ 15-го мая 1864 года. Въ отвѣтъ ему появились прокламаціи отъ Жонда, гдѣ говорилось, чтобы ни въ какомъ случаѣ не увлекаться ласками, дѣлаемыми москалями, что освобожденіе отчизны рѣшается, чтобы не теряли надежды и крѣпились.

Многіе дѣйствительно крѣпились, но многіе со злобою читали эти прокламаціи. Въ первый разъ можно было видѣть всю злобу на Жондѣ и на тѣхъ, которые выдумали революцію. Манифестъ былъ прочитанъ во всѣхъ костелахъ, и многіе послѣшили чистосердечно присягнуть правительству, другіе же присягали, говоря, что не грѣхъ ложно присягать московскому правительству, и пользовались этимъ случаемъ, какъ единственнымъ выходомъ изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ очутились, благодаря мятежу. Въ это время произошло въ послѣднее общее движеніе. Помѣщики, видя, что дѣло про-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. I, стр. 413.

играно, удалились изъ своихъ имѣній въ города, чтобы подъ прикрытіемъ правительства спастись отъ своихъ патріотовъ и не быть отвѣтственными за то, что у нихъ дѣлается въ имѣніяхъ, такъ какъ правительство требовало, чтобы беспаспортные и вооруженные люди, появившіеся въ имѣніяхъ, передавались въ руки власти.

Помѣщики старались знакомиться съ военными и передъ каждымъ самымъ малымъ чиновникомъ, которому въ другое время не подали бы руки, потому что онъ чиновникъ, плакались на свои несчастья. Они вездѣ проповѣдывали, что мятежники—это разбойники, которые не щадятъ не только русскихъ, но и помѣщиковъ, что у нихъ нѣтъ ничего святаго, что мятежъ затѣяли портные и сапожники, помѣщики же никогда не сочувствовали мятежу, были вполне довольны русскимъ правительствомъ и, если помогали шайкамъ мятежниковъ, доставляя припасы, то дѣлали это по принужденію, подъ угрозой смерти. Какъ повстанецъ, хорошо знакомый съ этого рода дѣлами, скажу, что намъ никогда не приходилось требовать чего нибудь отъ помѣщиковъ съ пистолетами въ рукахъ. Они охотно сами доставляли все, что нужно было, иной разъ даже безъ всякихъ просьбъ со стороны повстанцевъ. Да иначе и мятежъ былъ бы не возможенъ, если бы пришлось еще своихъ же поляковъ заставлять сочувствовать и помогать съ оружіемъ въ рукахъ. Было, впрочемъ, нѣсколько такихъ случаевъ, но такъ немного, что ссылаться на нихъ невозможно, тѣмъ болѣе, что всѣ они произошли уже подъ конецъ мятежа, когда родовитые поляки поняли, что изъ мятежа ничего хорошаго для нихъ не выйдетъ. Тогда дѣйствительно большинство помѣщиковъ перемѣнило свой образъ мыслей, а соотвѣтственно съ нимъ также и дѣйствій.

Были такіе, которые хотѣли поднести адресъ государю, гдѣ, свидѣтельствуя свои вѣрно-поддавническія чувства, предлагали содѣйствовать усмиренію мятежа. Многіе дѣйствительно ѣздили и уговаривали мятежниковъ воспользоваться манифестомъ.

Однажды, когда я, въ качествѣ помощника бургомира, выдавалъ свидѣтельства, ко мнѣ явился помѣщикъ, мнѣ незнакомый. Это былъ Іосифъ Бѣльскій, какъ онъ самъ отрекомендовался. Не знаю, откуда узналъ онъ обо мнѣ. Разговорившись со мною, онъ убѣждалъ меня воспользоваться манифестомъ.

Заручившись моимъ согласіемъ, онъ отправился въ свое имѣніе, гдѣ стоялъ отрядъ войска и военный начальникъ, чтобы предупредить его о моемъ возвращеніи и покорности. На другой день я дѣйствительно отправился съ тѣмъ, чтобы присягнуть на вѣрность законному правительству.

Прибывъ на мѣсто, я рассказалъ откровенно о своемъ участіи въ мятежѣ, присягнувъ, получилъ билетъ и отправился въ городъ Бялу. Я, однако, сознавалъ въ душѣ, что присяга меня нисколько

не перемѣнила въ отношеніи къ польской справѣ, что я не перестала быть тѣмъ же мятежникомъ, и если случится второй мятежъ, то я, не смотря на присягу, возстану вмѣстѣ съ другими противъ Россіи.

Мнѣ все казалось, что лишь только я приѣду въ Бялу, меня арестуютъ и будутъ судить. Я старался увѣрить себя, что только безвыходное положеніе заставило меня присягать москалямъ, и потому я вправѣ не исполнять вынужденныхъ обѣщаній. Такія мысли поддержала во мнѣ вышедшая около этого времени прокламація отъ Жонда Народоваго, въ которой разрѣшалось присягать русскому правительству, но съ тѣмъ, чтобы послѣ съ удвоенной силой возстать вновь противъ тирановъ и варваровъ. Прочитавъ прокламацію, вполне соотвѣтствовавшую моему тогдашнему настроенію, я видѣлъ въ ней узаконеніе моей присяги въ глазахъ всей польской справы.

Такимъ образомъ я довольно спокойно ѣхалъ въ Бялу. По дорогѣ я узналъ кое-что о личности Іосифа Бѣльскаго, благодаря которому произошло все случившееся со мной. Говорили, что въ Карпатскихъ горахъ въ Галиціи онъ предводительствовалъ шайкой разбойниковъ, такъ называемыхъ «Опрытковъ», съ которыми грабилъ проѣзжихъ и этимъ составилъ себѣ значительное состояніе. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ арестованъ и посланъ солдатомъ въ кавказскую армію, гдѣ вскорѣ храбростью и неустранимостью противъ черкесовъ обратилъ на себя вниманіе, получилъ орденъ Георгія и скоро былъ произведенъ въ офицеры. Прослуживъ десять лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку капитаномъ и купилъ себѣ имѣніе въ царствѣ Польскомъ. Его иначе не называли, какъ графомъ Монтекристо. Какъ бы тамъ ни было, но я ему очень благодаренъ за то, что онъ удержалъ меня отъ эмиграціи за границу.

Итакъ, я поселился въ городѣ Бялѣ, какъ полноправный гражданинъ, но совершенно успокоиться не могъ. Военный начальникъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на родину, увѣряя, что я тамъ буду жить спокойно, что меня не арестуютъ. Но я не могъ допустить, чтобы М. Н. Муравьевъ оставилъ меня тамъ въ покоѣ. Мнѣ казалось, что хотя бы я являлся добровольно и приносилъ вѣрно-подданническую присягу сто разъ, меня, всетаки, арестуютъ, засудятъ и сошлютъ въ Сибирь. Это было общее мнѣніе между всѣми добровольно присягнувшими, которыхъ я видѣлъ во время моего пребыванія въ городѣ Бялѣ.

Другая главная причина, почему я такъ боялся возвратиться въ Россію, состояла въ томъ, что я еще вѣрилъ въ возможность благополучнаго исхода мятежа, такъ какъ носились какіе-то слухи, что Европѣ предстоитъ война, въ которой приметъ участіе и Россія. Такія мечты не меня одного занимали. Всѣ, добровольно при-

сгнущіе, и жители города, сколько я ихъ ни видѣлъ, всё до одного жили этой надеждой, хотя со всѣхъ концовъ царства доходили самыя неутѣшительныя для возстанія слухи. О шайкахъ было почти не слышно. Это, впрочемъ, объясняли тѣмъ, что Жондъ не желаетъ терять понапрасну силы, сохраняя ихъ до болѣе удобнаго времени, т. е. до начала войны въ Европѣ. И дѣйствительно, въ это время слышно было только про двѣ партіи, про жандармовъ-вѣшателей ксендза Бжуски, который скрывался въ Люблинской губерніи, и про «армію» Боссаки, котораго иначе не называли, какъ генераломъ всѣхъ военныхъ силъ царства Польскаго. Онъ кочевалъ по Радомской губерніи, ближе къ австрійской границѣ. Говорили, что армія его состоитъ изъ 3.000 человекъ и называется обсерваціоннымъ корпусомъ. Между тѣмъ эта обсерваціонная армія была не что иное, какъ обыкновенная шайка изъ 400 человекъ, желавшихъ только укрыться отъ законнаго преслѣдованія правительства. Военному начальнику было предписано всѣхъ добровольно присягнувшихъ по этапу отправить въ Россію на родину.

Это распоряженіе помимо моей воли разрѣшало мои сомнѣнія. Насъ всѣхъ позвали и, прочитавъ распоряженіе намѣстника, нѣкоторыхъ арестовали и заключили до дня отправленія въ тюрьму, а другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, взявъ росписку, позволили дожидаться этого дня на свободѣ.

Дня черезъ три, въ десять часовъ утра, на тюремной площади, насъ уже ждала конный конвой изъ улановъ и подводы. Повстанцамъ приказано было садиться на подводы, и мы, провожаемые сострадательными взглядами и такими же пожеланіями, наконецъ, выѣхали за городъ по шоссе къ Сѣдлецамъ.

Всѣхъ насъ было пятнадцать человекъ, изъ которыхъ лучше другихъ запечатлѣлся въ моей памяти нѣкто Польковскій. Сынъ дворянина Пружанскаго уѣзда, онъ въ дѣтствѣ еще потерялъ отца и остался при одной бѣдной матери, которая, будучи обременена большимъ семействомъ, не была въ силахъ дать приличнаго образованія своимъ дѣтямъ. Приходскій ксендзъ взялъ подъ свое покровительство двухъ младшихъ ея сыновей, чтобы имъ, какъ дѣтямъ православной матери, сильнѣе привить католицизмъ со всѣми польскими добавками. Ксендзы сдѣлали свое дѣло. Польковскій 16 лѣтъ отъ роду былъ уже завзятымъ патріотомъ и поступилъ въ шайку Духинскаго, хотя не умѣлъ ни читать, ни писать. Всѣ отчаянныя командировки онъ исполнялъ неустрашимо и точно. Что бы ни затѣяли доводцы, поджогъ ли, повѣсить ли кого, убить и т. п., отправляли Польковскаго, и тотъ исполнялъ порученіе, вмѣняя себѣ это въ особенную заслугу. При всемъ этомъ, Польковскій, однако, не забывалъ никогда—ни утромъ, ни вечеромъ, отчитать разъ шесть «Отче нашъ», семь «Богородице», два или три

«Вѣрую» и нѣсколько молитвъ за ойчизну. Онъ глубоко вѣриль, что за дѣлаемое имъ по приказанію будетъ отвѣчать на судѣ Божіемъ не онъ, а тотъ, кто ему велѣлъ сдѣлать. Глядя на эту креатуру ксендзовъ, я удивлялся, до какой степени низости и безчеловѣчія можетъ дойти ксендзъ, воспитывая въ человѣкѣ такіе нравственные принципы. На другой день мы прибыли въ городъ Сѣдлецъ, гдѣ насъ помѣстили на гауптвахтѣ. Чтобы избавиться отъ непріятнаго общества, въ которомъ мнѣ пришлось бы почевать, и отъ тяжелаго воздуха гауптвахты, я притворился больнымъ, и меня немедленно отправили въ госпиталь, гдѣ меня при- валь докторъ.

Камера, въ которую меня заключили, была маленькая комната, носившая названіе «отдѣленіе для политическихъ преступниковъ». Я очутился здѣсь въ обществѣ двухъ, мнѣ незнакомыхъ, лично- стей: одного ксендза и какого-то эмигранта. Оба они, на сколько я могъ узнать отъ фельдшера, были присуждены къ висѣлицѣ. Когда я вошелъ, они недовѣрчиво испытующимъ взглядомъ осмо- трѣли меня и, обмѣнявшись нѣсколькими малозначительными фразами, выжидали, пока уйдетъ фельдшеръ. Тогда ксендзъ пер- вый началъ меня разспрашивать, кто я, какъ попалъ въ Сѣдлец- ній госпиталь. Когда я сказалъ, что добровольно явился, то ясно увидѣлъ, съ какимъ неудовольствіемъ онъ узналъ объ этомъ. Онъ вдругъ сталъ ко мнѣ холоднѣе, отошелъ къ окну и болѣе не от- выгался.

Эмигрантъ сжалился надо мной и спросилъ, нѣтъ ли у меня денегъ, хоть копѣекъ 50. Я вынулъ рубль и передалъ ему. Онъ вышелъ въ корридоръ, и черезъ полъ-часа появилась водка, отъ которой я отказался. Эмигрантъ весь вечеръ разсказывалъ мнѣ о своихъ странствованіяхъ за границей и, между прочимъ, о Руфинѣ Піотровскомъ, о которомъ я уже говорилъ раньше.

Вечеромъ пришелъ докторъ, который, осмотрѣвъ меня, объя- вилъ, что я завтра могу слѣдовать съ конвоемъ по назначенію. На разсвѣтѣ я, не простившись съ своими новыми знакомыми, одѣлся, потому что они еще спали, отправился за проводникомъ къ ожидавшимъ меня двумъ вооруженнымъ солдатамъ, подъ кон- воемъ которыхъ явился опять на гауптвахту, гдѣ меня уже ждала подвода; подъ конвоемъ роты солдатъ мы сейчасъ же отправились дальше до желѣзно-дорожной станціи Лапы, откуда въ товарномъ вагонѣ насъ доставили въ Гродно.

Сопровождаемые конвоемъ, мы пришли на квартиру началь- ника гродненской тюрьмы. Здѣсь насъ построили въ два ряда и по очереди начали спрашивать имя, фамилію, кѣмъ былъ въ шайкѣ, сколько лѣтъ отъ роду, арестованъ или же явился по манифесту. Все это было записано. Затѣмъ раздалась команда собираться въ дорогу, чего я никакъ не ожидалъ. Я спросилъ начальника, могу

ли я теперь нанять себѣ квартиру. Тотъ отвѣтилъ, что квартира будетъ дана намъ даромъ. Я не понялъ, или лучше сказать не хотѣлъ понять настоящаго значенія его словъ, пока насъ повели къ тюрьмѣ. Ворота заскрипѣли, и мы очутились въ дворикѣ, окруженномъ стѣнами.

Со всѣхъ сторонъ черезъ окна изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ выглядывали головы и старыя и молодыя, съ любопытствомъ поглядывавшія на нашу компанію. Я былъ въ большомъ недоумѣніи и уже мало надѣялся на свободу. Послѣ повѣрки, произведенной дежурнымъ офицеромъ, мы бросились въ тѣ камеры, куда изъ-за рѣшеточныхъ оконъ звали насъ наши прежніе знакомые. Здѣсь я встрѣтилъ Дашкевича, взятаго въ Осовкѣ, который, поздоровавшись со мной, сейчасъ же посоветовалъ мнѣ — на вопросъ о службѣ мятежу отвѣчать: «не знаю ничего». Вскорѣ потребовали мои вещи для осмотра. Возвратившись въ ту же камеру, мы принялись пить чай. Въ этой камерѣ помѣщалось двадцать человѣкъ, среди которыхъ нашлось много знакомыхъ помѣщиковъ. Они рассказывали мнѣ о тюремныхъ порядкахъ, военномъ судѣ, допросахъ, и совѣтовали сваливать вину на умершихъ и на тѣхъ, которые бѣжали за границу. Скоро наступило время спать, и мы легли на нары, замѣнявшія собой кровати.

Утромъ меня позвали въ слѣдственную комиссію, предсѣдателемъ которой былъ полковникъ Уструговъ. Фамилія его была мнѣ знакома по корпусу, и я былъ нѣсколько смѣлѣе. Отправляясь туда, я далъ денегъ Веневейскому съ просьбой купить мнѣ чаю, сахару и 30 обѣдовъ. Когда я пришелъ въ комиссію, Уструговъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Ну, господинъ Ягминъ, — вѣжливо сказалъ онъ, — садитесь и расскажите намъ, только чистосердечно, кто вы, гдѣ воспитались, какъ попали въ шайку, чѣмъ тамъ занимались. Только помните — чистосердечно, откровенно. Знайте, что за чистосердечное признаніе васъ освободятъ, и вы вернетесь къ своимъ роднымъ, а въ противномъ случаѣ будетъ плохо.

Въ послѣднихъ словахъ я видѣлъ намекъ на пытаніе признанія посредствомъ розогъ, о чемъ слышалъ отъ другихъ. Разкасамъ этимъ я вѣрилъ, такъ какъ москаля считалъ варваромъ, способнымъ мучить. Слова «будетъ плохо» покоробили меня не на шутку, и я, приготовивъ заранѣе какое-то оправданіе въ свою пользу, забылъ его на столько, что не могъ связать нѣсколькихъ словъ.

— Я уроженецъ Брестскаго уѣзда, воспитывался немного въ корпусѣ и въ Варшавѣ, откуда отправился въ шайку, и теперь воспользовался манифестомъ, — на сколько могъ увѣреннѣе произнесъ я.

— Не доставляли-ль вы бѣлья, полотна и пороху въ шайку?

Когда я сказалъ, что нѣтъ, полковникъ Уструговъ досталъ какой-то исписанный листъ бумаги, и, показывая мнѣ мелькомъ только подпись, спросилъ, не моя ли это рука. Я попросилъ показать мнѣ число, когда бумага эта была писана; оказалось, что это было въ августѣ 1863 года, въ то именно время, когда я оставилъ шайку и бросался въ разныя стороны, ища себѣ пріюта не только отъ русскихъ, но и отъ поляковъ. Я сказалъ ему объ этомъ и просилъ справиться у мѣстныхъ властей о моемъ исчезновеніи въ уѣзда.

Внимательно выслушавъ меня, Уструговъ далъ мнѣ нѣсколько листовъ бумаги, карандашъ и попросилъ меня написать свое оправданіе. Ободренный вѣжливостью полковника, я охотно послѣдовалъ за часовымъ въ отдѣльную комнату, надѣясь, что наконецъ-то буду освобожденъ. Но каково было мое изумленіе, когда ключникъ, впустивъ меня въ маленькую келію, не говоря ни слова, заперъ за мной дверь и съ шумомъ засунулъ тяжелый засовъ. Я какъ стоялъ, повернувшись лицомъ къ дверямъ, такъ и вѣстѣ и остался. Грустно и тяжело сдѣлалось мнѣ въ эту минуту. Въ первый разъ пришло мнѣ въ голову, что я арестованъ не на сутки и недѣли, а, можетъ быть, на годы. Я опомнился только тогда, когда внесли мой чемоданъ. Я бросился къ ключнику и къ жандарму, которые внесли вещи, умоляя ихъ сказать, долго ли я буду сидѣть. Однообразный отвѣтъ «не можемъ знать» окончательно взбѣсилъ меня. Затѣмъ ключникъ вытащилъ изъ печки какую-то деревянную посудину, сказавъ о ея назначеніи, повернулся къ дверямъ и, не говоря болѣе ни слова, вышелъ вѣстѣ съ жандармомъ. Дверь опять заперлась. Я остался одинъ и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ, пока, наконецъ, не принесли мнѣ ужина, къ которому я не притронулся. Меня выводило изъ себя молчаніе моего ключника, который не хотѣлъ ни слова отвѣчать на мои вопросы. Понемногу я началъ присматриваться къ своей обстановкѣ.

Въ камерѣ, въ которую съ трудомъ пробивались сквозь рѣшетку узкаго окна лучи дневнаго свѣта, стояла кровать, застланная грубымъ шерстянымъ одѣяломъ, столъ и стулъ. Окно находилось подъ самымъ потолкомъ, такъ что смотрѣть чрезъ него было невозможно.

Чтобы хоть нѣсколько развлечься, я началъ развязывать свои вещи. Постлалъ свою кровать, уставилъ зеркало съ его туалетными принадлежностями на столикъ и послѣ всего этого сѣлъ писать объясненіе для слѣдственной комиссіи. Но такъ какъ я рѣшилъ возможно больше врать и не признаваться ни въ чемъ болѣе или менѣе важномъ, будучи предупрежденъ объ этомъ моими знакомыми, я рѣшилъ составить сначала черновую и потому досталъ изъ чемодана писчую бумагу, чернила и перья, которыхъ

не замѣтили при обыскѣ, такъ какъ жандармы осматривали вещи при одной сальной свѣчкѣ.

Выдумывать было трудно, и у меня ничего не выходило, дать чистосердечное признаніе мнѣ не хотѣлось, чтобы не запутать многихъ такихъ, которые еще пользуются свободой, а за это меня назвали бы доносчикомъ и каждый избѣгалъ бы встрѣчи со мной. Тутъ я вспомнилъ всѣ наставленія, полученные мною съ перваго дня въ острогѣ — не говорить, что въ шайку поступилъ добровольно, а, наоборотъ, говорить, что меня завлекли туда насильно, что служилъ простымъ солдатомъ, носилъ оружіе, повязанное шнурками, и съ радостью принялъ вѣрноподданническую присягу. Я рѣшилъ, что лучше всего сказать половину правды, разумѣется, невинной, а остальное дополнить воображеніемъ.

Началъ я съ воспитанія, какъ и на первомъ своемъ словесномъ показаніи, что же касается до самаго мятежа и моего поступленія въ партію, то, начиная съ первой строки и до послѣдней, все почти было мной вымыслено. Вооруженная шайка, — писалъ я, — на дорогѣ въ царство Польское схватила меня и заставила слѣдовать за собой. Какъ ни тяжело это было для меня, какъ ни велика была моя преданность законному правительству, но я ничего не могъ сдѣлать и долженъ былъ служить простымъ рядовымъ. Попытки бѣжать были неудачны. Спустя нѣкоторое время, я таки ушелъ изъ шайки, но боялся возвратиться домой и потому началъ ходить изъ деревни въ деревню, скрываясь у крестьянъ (я называлъ имена деревень и крестьянъ, чтобы отвлечь подозрѣніе отъ настоящихъ укрывателей). Когда же я рѣшилъ уже явиться къ властямъ, такъ какъ бродячая жизнь мнѣ надоѣла, какъ на зло пришла шайка Крисинскаго и забрала меня съ собой опять рядовымъ (это я добавилъ для приданія моему показанію характера искренности). Отсюда я также убѣжалъ предъ самымъ сраженіемъ, оставивъ имъ данное мнѣ вооруженіе, послѣ чего опять блуждалъ изъ деревни въ деревню, изъ лѣсу въ лѣсъ, пока не узналъ про манифестъ, прощающій тѣхъ изъ добровольно явившихся, которые не были жандармами-вѣшателями и вообще не играли видной роли въ мятежѣ. На этомъ основаніи я поспѣшилъ явиться, съ радостью далъ вѣрноподданническую присягу и не знаю, за что не только попалъ въ острогъ, но еще въ одиночную комнату.

Въ своемъ показаніи я назвалъ фамиліи Стасюкевича, Крисинскаго, какъ довудцевъ, которые не избѣгнули бы висѣлицы, если бы попались, убитаго Станишевскаго и Тыневскаго, про которыхъ сказалъ, что не знаю, гдѣ они теперь находятся, и вспомнилъ князя Мирскаго, которому везъ деньги для передачи моимъ родителямъ въ Дрезно, такъ какъ онъ ѣхалъ за границу. Вспомнилъ же я его потому, что мнѣ нужно было выдумать предлогъ

для поѣздки въ царство Польское, гдѣ меня шайка насильно забрала. Собственно говоря, денегъ я никакихъ не возилъ и князя Мирскаго видѣлъ первый разъ только послѣ моей добровольной явки въ городѣ Бялѣ.

Я кончилъ составлять мое показаніе уже при свѣчкѣ и съ апетитомъ съѣлъ гречневую кашу, такъ какъ сильно проголодался, и улегся спать.

Глубокая тишина ночи нарушалась только однообразными монотонными шагами часоваго, расхаживавшаго по корридору, и наводила какой-то безотчетный страхъ и тоску. Лица, образы, событія изъ недавняго прошлаго живо вставали предъ моими глазами и бросали меня въ холодный потъ. Я не могъ спать и для развлеченія началъ ловить и бить блохъ, которыхъ была такая масса, что у меня устала рука, и потому пришлось прибѣгнуть къ другому роду казни—чрезъ утопленіе въ мискѣ съ водой. Это занятіе отвлекло меня отъ мрачныхъ мыслей, и къ разсвѣту я уснулъ сладкимъ сномъ, который подкрѣпилъ меня для слѣдующаго дня. Ключникъ разбудилъ меня довольно рано. Напившись чаю, который приготовилъ ключникъ, нѣсколько задобренный мною, часовъ около 12, я, забравъ съ собою тетрадку, пошелъ въ комиссію. Полковникъ встрѣтилъ меня съ своей обыкновенной привѣтливой улыбкой, попросилъ меня садиться и предложилъ папиросу. Пробѣжавъ наскоро поданное мною показаніе, онъ покачалъ головой.

— Я вѣдь просилъ васъ открыть свое прошедшее чистосердечно и откровенно, а вы написали здѣсь то, что сказалъ бы всякій рядовой, взятый изъ шайки, а вы были въ организаціи: объ этомъ у насъ есть положительныя свѣдѣнія.

Я рѣшилъ, что онъ хочетъ выпытать у меня правду и потому я вѣрнѣе держался своего показанія, не отказываясь и не добавляя ни одного слова.

— Смотрите,—сказалъ полковникъ,—послѣ будете жалѣть. Сказали бы правду и были бы спокойны.

— Врядъ ли,—усомнился я.— Вѣдь по манифесту я долженъ быть свободенъ, а меня заперли, да еще въ одиночное заключеніе.

— Вы сами виноваты, такъ какъ не хотите быть откровеннымъ,—сказалъ полковникъ и началъ говорить съ кѣмъ-то другимъ.

Я отправился въ свою камеру. Мое одиночество угнетало меня больше всего. Мнѣ казалось, что я сойду съ ума, если еще хоть нѣсколько дней останусь здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, ни одного живаго слова, ни книгъ, ни газетъ, ровно никакой работы и вмѣстѣ съ тѣмъ масса времени, времени, котораго наполнить нечѣмъ.

Я попробовалъ заглянуть въ окно, поставилъ стулъ на столъ, взлѣзъ и началъ смотрѣть, съ удовольствіемъ вдыхая въ себя свѣжій воздухъ. Но видъ свободной жизни дѣлалъ мое положеніе еще

болѣ несноснымъ, и я соскочилъ со стола. Я очень былъ радъ наступившей ночи, раздѣлся и бросился въ постель, но спать не могъ. Скоро ко мнѣ пришелъ полковникъ, убѣждавшій меня съзнаться чистосердечно, обѣщая свободу. Мнѣ очень хотѣлось высказаться хоть комунибудь, но я удержался и продолжалъ стоять на прежнемъ.

Онъ спрашивалъ меня, съ кѣмъ я былъ знакомъ въ Брестѣ кто бывалъ у моего отца, не знаю ли я Гофмейстра и другихъ фамилиі которыхъ я въ первый разъ слышалъ. На мои отрицательные отвѣты онъ почти не обращалъ вниманія.

Мнѣ сдѣлалось, наконецъ, досадно, и я сказалъ, что я не намѣренъ себя обвинять, для того только, чтобы доставить удовольствіе слѣдственной комиссіи. Я не забывалъ коверкать фамиліи о которыхъ спрашивалъ меня полковникъ, чтобы тѣмъ самымъ еще больше убѣдить въ томъ, что я ихъ слышу въ первый разъ изъ его устъ.

Просидѣвъ у меня около часу, онъ пожелалъ мнѣ спокойной ночи и оставилъ меня одного.

ХІ.

Чтеніе «Исторіи православной церкви». — Вопросъ о раздѣленіи церквей. — Кириллъ и Меодій. — Pro и contra. — Брестская унія. — Газета «Голосъ». — Собственные газеты. — «Конфитуръ». — Мой переходъ въ «общую» камеру. — Чтеніе конфитуръ. — Попытка образовать русскую партію. — Перемѣна мѣста заключенія. — Жизнь въ замкѣ. — Наблюденія надъ ксендзами. — Мысль принять православіе.

Такимъ образомъ прошла недѣля, и я все не видѣлъ конца своихъ страданій. Впрочемъ, я получилъ позволеніе пользоваться своимъ столомъ и чаемъ. Ключникъ сдѣлался болѣе разговорчивъ. Но скука не проходила. Я чувствовалъ, что, при всей моей привычкѣ, мнѣ недостаетъ умственного развлеченія, и я попросилъ ключника достать мнѣ какихънибудь книгъ. Вскорѣ онъ принесъ мнѣ какую-то старую русскую книгу безъ первыхъ страницъ и заглавія. Это была исторія православной церкви. Хотя книга была русская и православная, я ею очень заинтересовался.

Сначала я думалъ, что все, въ ней изложенное, большею частью выдумка схизматиковъ, написанная для того, чтобы оправдать себя предъ глазами Рима. Отъ нечего дѣлать я, однако, принялся читать и незамѣтно для самого себя очень увлекся.

Особенно заставилъ меня задуматься вопросъ о раздѣленіи церквей. Я началъ сравнивать читаемое мной теперь съ извѣстной мнѣ исторіей церкви западной и невольно началъ чувствовать, что правды больше на сторонѣ православія. Изложеніе всѣхъ фактовъ, предшествовавшихъ раздѣленію церквей, мнѣ показалось на

столько яснымъ, что предполагать здѣсь вымыселъ было невозможно, и у меня явился вопросъ, неужели православіе одно есть неискаженное ученіе Спасителя, а ученіе католической церкви въ такомъ случаѣ схизма.

Долго я думалъ надъ этимъ вопросомъ, но, къ сожалѣнію, никакого положительнаго отвѣта не нашель; это мучило меня чрезвычайно. Успокоившись немного, я принялся опять за чтеніе и остановился на Кириллѣ и Меѳодіи, просвѣтителяхъ славянъ. Здѣсь опять пришлось узнать мнѣ совершенно иное, чѣмъ то, что я читалъ въ своей исторіи церкви. Отсюда я въ первый разъ узналъ, что первая вѣра, которую приняли наши предки, была православная, что Литва, Украина, Волынь, все это были сначала православныя и русскія земли, и только послѣ уже, подчинившись Польшѣ, перемѣнили свою религію, измѣнили національность. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось теперь слушать pro и contra. До сихъ поръ я только зналъ одну сторону, и потому-то внутренняя борьба, неизбежно явившаяся, когда мнѣ сдѣлались извѣстными основанія противной стороны, была для меня такъ мучительна. Что, въ самомъ дѣлѣ, если край, въ которомъ я родился, за свободу котораго готовъ былъ пролить русскую кровь, окажется чистою Россіей? А Брестская унія? Тихая скорбь о заблудшихся чадахъ, полнѣйшее отсутствіе злобы противъ католиковъ, всепрощающій характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясность, съ которыми былъ изложенъ здѣсь этотъ темный въ исторіи католицизма вопросъ, невольно подкупали въ свою пользу; во всякомъ случаѣ, прочитанное мной, если не совершенно уничтожило все то, во что я вѣрилъ, ради чего готовъ былъ на какія угодно жертвы, то, по крайней мѣрѣ, сильно поколебало его авторитетъ.

Я былъ очень радъ, когда мои размышленія неожиданно были прерваны ключникомъ, который принесъ мнѣ двѣ маленькія книжечки, завернутыя въ газету «Голосъ».

Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что это творенія Поль-де-Кока, и рѣшилъ сейчасъ же прочесть, надѣясь, что они разгонятъ мои мучительныя сомнѣнія. «Голосъ», которымъ эти книжки были обернуты, былъ одинъ изъ послѣднихъ номеровъ.

Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, какимъ тономъ пѣлъ «Голосъ» въ шестидесятыхъ годахъ. Мнѣ тогда очень нравилось его направленіе. Помню, что, сколько разъ въ тюрьмѣ онъ мнѣ ни попадался, всегда возбуждалъ надежды на иностранное вмѣшательство въ польскія дѣла. Нужно знать, какъ мы читали русскія газеты. То, что намъ нравилось, было по вкусу, мы читали и дѣлали свои заключенія, а то, что въ газетѣ было направлено противъ насъ, считали простой маской, которую надѣвалъ редакторъ, чтобы скрыть истинное направленіе газеты отъ правительства. Изъ русскихъ газетъ мы больше всего читали и уважали «Голосъ», а всѣ другія

газеты считали односторонними, и уже по тому одному не заслуживающими вѣры и вниманія. Мы на нихъ не обращали никакого вниманія. Одинъ «Голось» переходилъ изъ рукъ въ руки и читался отъ доски до доски.

У насъ, впрочемъ, были свои собственныя газеты, носившія названіе «конфитуры». Это были маленькіе свиточки бумаги, на которыхъ мелкимъ почеркомъ писались разнаго рода извѣстія. Каждые три дня мы аккуратно ихъ получали. Когда я былъ переведенъ изъ одиночнаго заключенія въ общую камеру, то видѣлъ, какъ они читались вполголоса передъ собравшейся кучкой любопытныхъ.

Послѣ чтенія слѣдовали обыкновенно горячіе дебаты, такъ какъ среди насъ были такіе, которые не вѣрили этимъ извѣстіямъ и которыхъ поэтому мы считали отсталыми трусами.

Поль-де-Кокъ, однако, не разогналъ моихъ сомнѣній, и я не разъ среди чтенія задавалъ себѣ вопросъ, что если я русскій и всѣ мои дѣйствія до сегодняшняго дня были дѣйствіями измѣнника? Долго останавливаться на этомъ вопросѣ я не хотѣлъ, даже боялся и скоро, измученный пережитыми волненіями, заснулъ.

Утромъ пришли ко мнѣ старшій жандармъ съ ключникомъ и велѣли собираться какъ можно скорѣе.

— Куда?—удивленно спросилъ я.

— Въ общую,—коротко отвѣтилъ жандармъ.

Около одной изъ стѣнъ общей стояли нары, на которыхъ лежали арестанты. Здѣсь меня приняли старые товарищи по мятежу, и я опять могъ говорить, дѣлиться своими мыслями. Общество заставило меня на первыхъ порахъ даже забыть, что я, всетаки, въ тюрьмѣ, а не на свободѣ. Такъ былъ великъ контрастъ между одиночнымъ заключеніемъ и общей. Здѣсь жили, дѣлились новостями, обсуждали разнаго рода вопросы, нравственно поддерживали другъ друга, не то, что въ одиночномъ, гдѣ съ неразговорчивымъ ключникомъ только и можно было сказать нѣсколько самыхъ общихъ фразъ. Какъ я сказалъ уже, въ общей получались конфитуры. Однажды, около 6 часовъ вечера любопытная конфитура собрала насъ всѣхъ.

— «Не унывайте, братья, — говорилось въ ней, — англійскіе и французскіе флоты подплыли подъ Керчь и впродолженіе двухъ часового боя Керчь взята союзниками». Въ первый разъ я не могъ допустить такой нахальной лжи и думалъ, что ослышался. Поэтому взялъ конфитуру отъ читавшаго, чтобы самому собственными глазами убѣдиться. Но въ конфитурѣ было дѣйствительно такое извѣстіе. Такая низкая уловка опять привела меня къ размышленіямъ, возникшимъ въ одиночномъ заключеніи, и все болѣе и болѣе я начиналъ вѣрить въ правдивость другой стороны. Я думалъ, что, какъ сочинено безъ всякаго стыда извѣстіе о взятіи Керчи,

также точно могли быть выдуманы и тѣ основанія для мятежа, которыя проповѣдывались съ церковныхъ кафедръ и приводились въ прокламаціяхъ.

Послѣ всего этого я чувствовалъ себя чужимъ въ этой средѣ зрыхъ патріотовъ и перешелъ на сторону болѣе умѣренныхъ, бѣлой партіи. Но и здѣсь было почти то же, и я былъ не менѣе чужимъ, чѣмъ въ партіи красныхъ. Поэтому мнѣ пришла въ голову мысль составить собственную партію, какой еще между здѣшними поляками не существовало, именно русскую. Я началъ зондировать арестантовъ, увлеченныхъ подобно мнѣ. Между ними я сталъ искать друзей, которые бы могли меня понять. Но сдѣлать этого мнѣ не удалось.

Въ это время прибылъ изъ Вильны полковникъ Бушенъ ревизовать тюрьму. Послѣ этого меня и еще нѣкоторыхъ перевели въ замокъ, называвшійся такъ потому, что въ немъ когда-то жилъ польскій король Стефанъ Баторій, а впослѣдствіи и Понятовскій, послѣдній польскій король. Изъ этого замка обыкновенно освобождали или высылали. Поэтому я видѣлъ, что развязка приближается, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что со мной будетъ.

Перемѣнивъ мѣсто, я, однако, не избавился отъ чуждой мнѣ среды, которая окружала меня въ тюрьмѣ.

Каждый изъ арестованныхъ, какъ бы ни былъ виноватъ, все надеялся на благополучный исходъ, и ни одинъ не признавалъ себя виноватымъ. Однажды, когда я высказался передъ товарищами, что я виновенъ, но не понимаю, съ какой стати меня арестовали, когда я подошелъ подъ высочайшій манифестъ, то увидѣлъ на ихъ лицахъ удивленіе и состраданіе. Надежда на восстановление Польши въ нихъ была еще такъ сильна, что когда ихъ высылали и переодѣвали, они все еще не вѣрили въ дѣйствительность и говорили, что недѣли черезъ двѣ Польша возьметъ верхъ, и ихъ, какъ вѣрныхъ сыновъ ея, возвратятъ съ дороги.

Внутренняя жизнь наша въ замкѣ хотя не была особенно весела, но не была и скучна. Мы пользовались тамъ большою свободою. Нельзя было только выходить за предѣлы замка. Намъ давали, кромѣ того, книги, журналы и поручали разныя работы. По вечерамъ мы собирались въ кучки и пѣли разныя польско-патріотическія пѣсни, которыя, однако, не могли уже заглушить сомнѣній, поднявшихся въ моей душѣ. Наблюденія надъ ксендзами, которыхъ было среди насъ довольно, удалили меня еще больше отъ прежнихъ идеаловъ. Каждого изъ нихъ навѣщали любовницы, съ которыми они прятались отъ глазъ товарищей. Они не входили съ ними въ пріемную залу, но отыскивали темную комнату подъ гѣстницею и тамъ долго оставались tête-à-tête. Многіе изъ нихъ до того забывались, что отправлялись въ ссылку съ своими содержанками, не обращая никакого вниманія на общественное мнѣніе,

а напротивъ смѣялись надъ нимъ. Въ высшей степени скупые и эгоистичные, они и здѣсь не переставали собирать простой народъ и проповѣдывать, чтобы онъ не щадилъ никого и ничего для ойчизны, что, спасая отечество, онъ служить церкви и потому получить блаженство въ будущей жизни. Меня возмущалъ такой разладъ между словомъ и дѣломъ, и я разъ высказалъ это ксендзу.

— Не надо дѣлать того, — сказалъ онъ мнѣ, — что дѣлаетъ ксендзъ, а то, что онъ говоритъ. — Здѣсь припомнилось мнѣ мое дѣтство и вся моя жизнь, прошедшая подъ руководствомъ ксендзовъ, начиная съ Шимкевича и кончая ксендзами, стоявшими во главѣ демонстрацій, мятежа и шаекъ съ крестомъ въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой. Я увидѣлъ всю ложь моихъ понятій, внушенныхъ убѣжденными рѣчами неубѣжденныхъ людей, мало того, людей безнравственныхъ, эгоистичныхъ. Для меня теперь было ясно, что мятежь былъ поднять небольшою кучкой людей назвавшей себя народомъ польскимъ, и ксендзами, что настоящій народъ никогда не сочувствовалъ этому и, если иногда принималъ участіе, то или благодаря ксендзамъ, или же благодаря паникѣ наведенной жандармами-вѣшателями, среди которыхъ, впрочемъ, нерѣдко попадались и служители алтаря.

Меня какъ будто что-то оттолкнуло отъ моего прошедшаго, отъ среды, въ которой я находился. Мнѣ захотѣлось свободы, чтобы дальнѣйшимъ поведеніемъ искупить преступленія, которыхъ невольнымъ виновникомъ былъ я. Съ этой минуты я не могъ хладнокровно смотрѣть ни на ксендзовъ, ни даже на товарищей заключенія, увлекавшихся прежними идеалами, потому что все это напоминало мнѣ мое прошлое и заставляло краснѣть за себя. Тогда впервые мелькнула у меня мысль принять православіе, представлявшее собой, по моему убѣжденію, единственное неискаженное ученіе Христа, которое притомъ же исповѣдывалъ простой народъ, а раньше и мои предки. Мысль эта крѣпла во мнѣ все больше и больше, и я началъ часто говорить съ крестьянами, стараясь, насколько могъ, разсѣять туманъ, напущенный ксендзами.

ХІІ.

Переходъ въ прежнюю тюрьму. — Нежданые враги. — Освобожденіе. — Стремленіе осуществить свой планъ. — Противодѣйствіе отца. — Моя тетка графиня Красицкая. — Послѣдняя попытка поколебать меня. — Торжественное присоединеніе къ православію. — Моя государственная служба. — Выходка поляковъ-чиновниковъ. — Отставка.

Вскорѣ насъ перевели опять въ тюрьму, гдѣ я встрѣтилъ одного изъ ревностныхъ защитниковъ ойчизны — Гофмейстера, два раза бывшаго въ каторгѣ. Отъ такого опытнаго и лучше другихъ знав-

шаго дѣла Польши человекѣ мнѣ пришлось услышать мнѣніе, сильно врѣзавшееся мнѣ въ памяти: «не полякамъ возстановлять и имѣть ойчизну».

Въ это время я узналъ, что прибыли изъ Бреста нѣкіе Верцинскій и Левицкій, чтобы показывать противъ меня въ слѣдственной комиссіи. Что я ни дѣлалъ для того, чтобы склонить ихъ на свою сторону, ничего не помогло.

Верцинскій безпощадно обличалъ меня на очныхъ ставкахъ, и я спасся, только благодаря Левицкому, который принялъ мою сторону и доказалъ комиссіи, что я никогда не былъ, какъ говорилъ Верцинскій, офицеромъ и начальникомъ штаба, а былъ простымъ рядовымъ. Послѣ этого я ждалъ скорого рѣшенія своей участи. Наконецъ, 13-го апрѣля 1865 года, вошелъ комендантъ города и объявилъ мнѣ, что я свободенъ. Я былъ пораженъ неожиданной новостью. Мнѣ хотѣлось отъ радости цѣловать коменданта, товарищей, служителей. Быстро собралъ я свои вещи и буквально выбѣжалъ изъ мѣста, гдѣ провелъ чуть ли не одиннадцать мѣсяцевъ. На первыхъ порахъ я остановился въ гостинницѣ.

Не долго, впрочемъ, я наслаждался свободой, такъ какъ забѣгалъ и нѣсколько дней не могъ выйдти изъ комнаты. Въ это время все, перадуманное мною въ тюрьмѣ, опять встало передо мной, и я далъ обѣтъ быть вполне русскимъ. Между тѣмъ, въ польскихъ домахъ принимали меня, какъ мученика за ойчизну, приглашали на вечера и обѣды, такъ что я даже не замѣтилъ, какъ пробѣжали 5 мѣсяцевъ, и я очутился дома въ средѣ родныхъ, которыхъ не видѣлъ столько времени.

Послѣ первыхъ радостныхъ минутъ свиданія отецъ началъ говорить о безсмысленности мятежа и упрекалъ меня за то, что я принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Я, съ своей стороны, оправдывался тѣмъ, что здѣсь виновать не я, а виновато воспитаніе, закрывшее мнѣ глаза на очень многое, что въ данномъ случаѣ я ни больше ни меньше, какъ жертва ксендза Шимкевича, сдѣлавшаго изъ меня постепенно орудіе мятежа. Отецъ сначала пробовалъ возражать противъ этого, но, видя справедливость моихъ словъ, скоро замолчалъ. Вскорѣ я началъ обдумывать, какъ бы мнѣ принять православіе. Я зналъ, что, если я сдѣлаю это, то родители проклянутъ меня и бросятъ на произволь судьбы. Нужно было, значить, заблаговременно обезпечить себя чѣмъ нибудь, но до поры до времени я тщательно скрывалъ свое намѣреніе и даже старался казаться патриотомъ. Вскорѣ я началъ просить отца отдать мнѣ одно изъ своихъ имѣній въ аренду. Послѣ усиленныхъ просьбъ, наконецъ, мнѣ было отдано одно изъ имѣній Черне, но не въ аренду, а просто для управленія. Въ качествѣ управляющаго я долженъ былъ дѣлать только то, что приказывалъ отецъ, доходы съ имѣнія отдавать отцу; жалованья я не получалъ никакого. Это

не согласно было съ моими планами. Нужно было выдумать что нибудь другое. Я поѣхалъ въ Гродно съ цѣлью найти тамъ какое нибудь частное мѣсто у русскихъ, но мнѣ вездѣ отвѣчали, что поляковъ не принимаютъ, и я отправился обратно домой съ твердымъ намѣреніемъ добиться какой нибудь самостоятельности, чтобы привести въ исполненіе свои планы. Всѣ мои старанія не привели ни къ какимъ результатамъ, и я, рѣшивъ, что долъше скрывать нечего, объявилъ обо всемъ отцу и въ тотъ же день выѣхалъ изъ дому, чтобы избавиться отъ упрековъ и на свободѣ еще разъ обдумать рѣшительный шагъ. Но, сколько я ни думалъ, всегда приходилъ къ одному и тому же выводу, что я долженъ принять православіе, которому измѣнили когда-то мои предки, забывшіе теперь свою родную вѣру и національность.

Между тѣмъ отецъ мой началъ дѣйствовать, желая возвратить меня, потеряннаго для польщизны сына. Онъ началъ съ того, что распустилъ компрометирующіе меня слухи, чтобы замарать мое имя; когда же это ни къ чему не привело, онъ подалъ жалобу полицеймейстру, что я укралъ у него серебро и деньги, съ которыми и живу въ городѣ, и просилъ доставить меня съ казаками къ нему на домъ. Полицеймейстеръ Шульгинъ немедленно явился ко мнѣ на квартиру, но, видя, что ничего не можетъ сдѣлать, оставилъ меня. Я обратился къ воинскому начальнику, который принялъ во мнѣ участіе. По моей просьбѣ, отца вызвали въ полицію, гдѣ я хотѣлъ оправдаться отъ взведенныхъ на меня преступленій. Мнѣ оправдаться не пришлось, потому что отецъ самъ свалилъ вину на какого-то лакея. Убѣдившись, что такой образъ дѣйствія его не приведетъ ни къ какимъ хорошимъ результатамъ, онъ прислалъ ко мнѣ двоюроднаго моего брата и своего повѣреннаго, которые убѣждали меня бросить мое намѣреніе, соглашались на какія угодно условія, лишь бы только я возвратился домой, но было уже поздно.

Въ это время у насъ случилась перемѣна исправниковъ. Вновь назначенный исправникъ не могъ такъ скоро пріѣхать и временно исполнялъ его должность исправникъ С. Ѡ. Попроцкій. Въ польскихъ кружкахъ о немъ отзывались не хорошо, и на этомъ основаніи я заключилъ, что это, должно быть, честный, русскій человекъ и поспѣшилъ съ нимъ познакомиться. Раньше еще я познакомился съ бывшимъ протоіереемъ Черновицкаго прихода, священникомъ Симеономъ Пашкевичемъ. Отецъ Симеонъ, бывший униатскій священникъ, много содѣйствовалъ воссоединенію униатовъ и былъ искреннимъ русскимъ патриотомъ. Бесѣды съ нимъ и книги, которыми онъ ссужалъ меня, все больше и больше убѣждали меня въ святости и справедливости моихъ намѣреній, такъ что новыя попытки родителей удержать меня отъ этого шага были безуспѣшны.

Въ это время пріѣхала съ Волыни моя тетка, графиня Красицкая, на которую мои родители возлагали большія надежды. Они

хотѣли, чтобы я поговорилъ съ ней. Чувствуя себя твердымъ и непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи, я отправился къ ней, чтобы окончательно ихъ разувѣрить въ возможности возврата.

Она мнѣ предлагала свое имѣніе на Волыни, говорила о красивой, богатой невѣстѣ, на которой я могу жениться, однимъ словомъ всѣми силами старалась отклонить меня отъ исполненія моего намѣренія. Когда же я положительно отказался исполнить ея просьбу, она назвала меня сумасшедшимъ и измѣнникомъ. Такимъ образомъ послѣдняя надежда рушилась.

Я написалъ къ гродненскому губернатору Скворцову о моемъ желаніи. Тотъ прислалъ запросы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ пунктовъ; одинъ изъ этихъ пунктовъ еще на нѣкоторое время затормозилъ дѣло. Губернаторъ спрашивалъ, не въ ссорѣ ли я съ родителями и не состою ли я подъ надзоромъ полиціи. Поэтому я написалъ письмо о моемъ истинномъ желаніи присоединиться къ православной церкви къ начальнику края графу Баранову и, не дожидаясь отвѣта, началъ приготовляться къ торжественному принятію покинутой предками вѣры. Будучи сыномъ богатыхъ и вліятельныхъ въ уѣздѣ родителей, а такъ же зная, что до сихъ поръ не было подобнаго примѣра между панами Гродненской губерніи, я желалъ присоединиться торжественно, въ присутствіи всѣхъ помѣщиковъ уѣзда. Съ этой цѣлью полицейское управленіе разослало объявленія не только крестьянамъ, преимущественно тѣхъ деревень, которыя принадлежали моему отцу, но и всѣмъ помѣщикамъ, чтобы на второй день Святой недѣли собрались всѣ въ Черновицкую приходскую церковь для присутствованія при принятіи православія дворяниномъ Юліемъ Ягминимъ.

Назначенный день насталъ, и я съ Семеномъ Федоровичемъ Попроцкимъ на перекладныхъ отправился въ сказанную церковь, гдѣ отецъ Симеонъ дождался насъ съ обѣдней. Свидѣтелями были Попроцкій и принявшій православіе ксендзь Бернацкій. Изъ помѣщиковъ не явился ни одинъ, но зато крестьянъ была такая масса, что церковь не могла вмѣстить и половины.

Послѣ крещенія, въ которомъ я названъ былъ Александромъ, всѣ радостно бросились меня поздравлять, называли своимъ. На другой день я возвратился въ Брестъ, гдѣ никто ни слова не говорилъ обо мнѣ. Фактъ принятія мной православія рѣшили, значить, замолчать. Родители мои сейчасъ же уѣхали въ Вильно, гдѣ распространили слухъ, что я принялъ православіе единственно потому, что я захотѣлъ жениться на какой-то распутной православной женщинѣ. Я отправился въ Вильно, гдѣ всѣ были убѣждены, что я женатъ. Съ такимъ фанатизмомъ пришлось мнѣ, и пришлось бы всякому, бороться, кто только пожелалъ бы принять православіе.

Въ Вильнѣ, спустя нѣкоторое время, я получилъ мѣсто въ ковенскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, но

послѣ двухъ мѣсяцевъ службы я вышелъ въ отставку по слѣдующему случаю. Ковенское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе состояло изъ пяти членовъ. Изъ нихъ было 4 русскихъ, а пятый полякъ. Всю остальную канцелярію, кромѣ секретаря, не знаю какими судьбами, составляли поляки. Имъ не надо было много, чтобы узнать про меня, кто я такой, наконецъ, я и самъ не скрывалъ, что я принялъ православіе. Кромѣ того, я требовалъ, чтобы говорили порусски и не принимали въ канцелярію постороннихъ лицъ, такъ какъ это запрещено.

На мои замѣчанія они не только не обращали никакого вниманія, но, напротивъ того, смѣялись надъ ними. Они не ограничились однѣми насмѣшками и пошли дальше.

На четвертой недѣлѣ поста я говѣлъ. Приобщившись, я зашелъ въ канцелярію и, посидѣвъ тамъ часа два, собрался уходить, но только что я надѣлъ шляпу, какъ изъ нея посыпалась на меня масса сажки. Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и пожаловался членамъ. Тѣ заставили одного изъ писцовъ, устроившаго эту штуку, извиниться передо мной; я простилъ ему его мальчишескую выходку, но служить ужь здѣсь я больше не могъ и подалъ въ отставку.

А. Ягминъ.

